

ЧЕРНОБЫЛЬ КАК ДЕСТРУКЦИЯ В МЕНТАЛЬНОЙ МАТРИЦЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

THE CHERNOBYL AS DESTRUCTION IN A MENTAL MATRIX OF THE SOVIET SOCIETY

*T. Magsumov
G. Kovzik*

Annotation

From the standpoint of the personified micromethod attempt of the review of the book of the Belarusian writer Svetlana Alexievich "Voices from Chernobyl. Chronicle of the Future". The book recreates the mental tragic element of "the Chernobyl people" which is developed against crash of the Soviet society and the state by means of monologues of ordinary people. The "human documents" soldered together polyphonical allow the reader to survive empathy the catastrophe, coming nearer to understanding the state of mind of the modern Chernobyl veteran.

Keywords: Chernobyl, Svetlana Alexievich, personified history, publicism, history of mentalities, psychohistory.

Магсумов Тимур Альбертович

Международный сетевой центр фундаментальных
и прикладных исследований, г. Сочи,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
г. Набережные Челны
Ковзик Глеб Олегович
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
г. Набережные Челны

Аннотация

С позиций персонифицированного микроподхода делается попытка рецензии книги белорусской писательницы С. А. Алексиевич "Чернобыльская молитва: хроника будущего", воссоздающей посредством монологов простых людей ментальный трагизм "чернобыльского народа", разворачивающийся на фоне крушения советского общества и государства. Спаянные воедино полифоничные "человеческие документы" позволяют читателю эмпатийно пережить катастрофу, приближаясь к пониманию состояния души современного чернобыльца.

Ключевые слова:

Чернобыль, Светлана Алексиевич, персонифицированная история, публицистика, история ментальностей, психоистория.

В 1997 году из-под пера белорусского исследователя Светланы Александровны Алексиевич выходит потрясающий по создаваемому эмоциональному накалу публицистический труд "Чернобыльская молитва. Хроника будущего". Произведение получило множество положительных отзывов в прессе.

С. А. Алексиевич – автор пяти книг на острые социально-политические темы. "Я долго искала жанр, который бы отвечал тому, как я вижу мир.... И выбрала жанр человеческих голосов... Свои книги я высматриваю и выслушиваю на улицах. За окном. В них реальные люди рассказывают о главных событиях своего времени" [2] – достаточно четко описывает она свой весьма своеобразный стиль.

Новое издание книги, вместе с четырьмя остальными из цикла "Голоса страны Утопии", вышло в 2013 году [1]. Несмотря на три переиздания, книга практически выскользнула из фокуса внимания историков. Между тем, ее можно назвать важным сборником воспоминаний современников трагедии, чье индивидуальное восприятие событий позволяет познать дух тех эпохальных дней, оп-

ределить место и значение "Чернобыля" в контексте исторической памяти постсоветского общества. Нельзя не отметить актуальность возвращения к этому произведению в свете вручения автору Нобелевской премии по литературе и в преддверии 30-летия со дня аварии на Чернобыльской АЭС.

Сам труд писательницы небольшой: все монологи уложились на трехстах страницах, хотя читаются они на одном дыхании, прерываемом всхлипами слез. Книга состоит из традиционного для такого жанра многокомпозиционного введения, включающего историческую справку, "одинокий человеческий голос" жены пожарного-ликвидатора и вступления автора в форме автоинтервью, а также трех глав, каждая из которых поделена на два раздела, и заканчивается снова "одиноким человеческим голосом" с послесловием – вырезками из белорусских газет за 1986–2005 гг., повествующими о новом туристическом центре – "Мекке" под названием "Чернобыль".

В авторском понимании распад Советского Союза и Чернобыльская авария – это совпавшие по времени катастрофы в истории людей, проживавших на огромной

территории от Кольского до Чукотского полуострова. Трагизм простого народа – вот, что всегда прослеживалось в произведениях автора. Не стала исключением и "Чернобыльская молитва". Трагизм судеб народа, следовавший после аварии, наблюдается всюду: это и смерть любимых, и глубокое одиночество пожилых самоселов, и отречение общества от чернобыльцев, и самое страшное – страдания болеющих детей.

Рецензируемое сочинение создает исторический образ Чернобыля, в том ракурсе, который мы интуитивно ощущали, но в коем не могли эмпатийно сострадать. Книга – не сухо описанная история техногенной аварии на атомной электростанции, и не ликвидация последствий оной. Это – хор чернобыльского народа. Исполняемый единым порывом, берущий за душу, хор всех тех, кто пострадал, прямо или косвенно, от техногенной катастрофы. В сознании читателя создается линия грани двух измерений реальности, в которых живут затронутые Чернобылем люди: одной ногой еще там, в том микромире, застывшем сразу после аварии, и сейчас, в настоящее время, когда уже нет коммунизма и Советской страны, но есть капитализм и новые люди с иными взглядами на жизнь и пониманием ценностей нового века. Находясь в затвердевшей вневременной капсуле меж этих реальностей, они вовсе не подобны маргиналам, которые располагались бы одной ногой там, а другой тут. Они изначально были поставлены в условия "другого" народа.

Представленные читателю монологи есть, можно сказать, не просто субъективное, но субъективизированное восприятие личностью произошедшей катастрофы. Что почувствовали люди в тот момент, что увидели, как это отразилось на их дальнейшей судьбе, что извлекли они из этого – вот исходный план монологов. Здесь главное не выкристаллизованная совокупность исторических фактов, а интерпретация исторического события сквозь призму человеческого сознания, или, говоря иначе, персональная история "космической" катастрофы. Автор прямо говорит, чему посвящено ее произведение: "Эта книга не о Чернобыле, а о мире Чернобыля" [1, с. 30].

Поначалу у читателя могут возникнуть сомнения: а все ли рассказы должны быть в книге? Так, монолог психолога Петра С. о том, зачем люди вспоминают, практически не имеет отношения к аварии. Но читая дальше, глубоко погружаясь в человеческие монологи, своеобразные записи души на бумаге, можно осознать правильность действий автора. В голове рождается страшная картина – мы, граждане тех стран, кои больше всего пострадали от техногенной аварии, глухи и слепы перед ними, чернобыльцами, когда слышим или видим упоминания о прошедшем. Такое возникшее противоречие вполне оправдано. Мы никогда не сможем проникнуться до конца, ибо не пережили страдания как те, кто хотя бы частично со-

прикоснулся с этой трагедией. Ликвидаторы. Жены ликвидаторов. Дети ликвидаторов. Родители ликвидаторов. Эвакуированные селяне. Пожилые люди. Самоселы... Список, как длинная вереница, может растянуться на многие строки статьи.

Однако они не безмолвны. Мы не можем до конца их понять и услышать, но им есть, что сказать. Им всегда будет, что рассказать. Передать людям в наследство, вложить эту страшную, но историческую память о былом в огромную сумму человеческой истории.

Из монологов людей, а подавляющее их большинство назвали себя, чем предрасполагают к более серьезному походу, нежели если они были бы анонимны, как мозаика складывается историческое панно. Все монологи смешались в кучу, размолотились, расплавились и соединились. В этом едином песнопении можно вычленить несколько проблем "чернобыльского", как они себя нарекают, народа.

Индийский ученый Сону Сайни при рассмотрении проблематики "Чернобыльской молитвы" выдвинул пять уровней "тайны" Чернобыля: это осознание населением опасности аварийного реактора, отношение государства к произошедшему, влияние на природный мир, воздействие радиации на человека и переживания детей Чернобыля о прошлом и настоящем [4].

Трудно обозначить единую точку зрения о том, является рецензируемое нами произведение историческим трудом, хрестоматией эго-документов о Чернобыльской аварии или чем-либо иным. Мы склоняемся к тому, чтобы считать книгу исторической, по форме же содержания мемуарной. Столь трудная ситуация возникла из-за выбранного писателем ракурсом жанра: согласно ее представлениям, следует не рассказать детально о произошедшей трагедии, но показать историю глазами простых людей. С неординарностью авторской концепции жанра также согласна Н. А. Сивакова, считая его документальным с особой повествовательной структурой [5]. По ее мнению, основной мотив исповедей не покаяние, а попытка осознания чернобыльцами себя в новой реальности.

Каждый монолог книги постепенно проявляет читателю важнейшие вопросы трагедии чернобыльского народа, "ключи" Чернобыльской молитвы, в коих заключаются фундаментальные столпы и на которые опирается хор чернобыльцев, и о сих нам следует рассказать более подробно.

С. А. Алексиевич выбрала, на наш взгляд, в качестве фона и одновременно центральной проблемы всего повествования крушение советского человека и его ценно-

стей. В своем монологе страдающий отец рано умершей дочери Н. Ф. Калугин рассказывает: "Ты живешь... Обыкновенный человек. Маленький. [...] И в один день ты внезапно превращаешься в чернобыльского человека. [...] Ты хочешь быть как все, а уже нельзя" [1, с. 51–52]. Многие люди, пережившие Чернобыльскую аварию, становились другими. Рождалось кардинально иное миропредставление, сознание ломалось и в опустошенных душах возникало новое. Мать Н. А. Рословой работала в штабе гражданской обороны, но, несмотря на сложившуюся чрезвычайную ситуацию на атомной станции, адекватно среагировать, а тем более исполнять служебные обязанности, она и ее коллеги не смогли. По словам рассказчицы, до матери и остальных не доходило, что сменился век. Она считает, что им был нужен психологический перелом [1, с. 270]. "Как я сейчас понимаю, Чернобыль освободил нас... Учились быть свободными", – говорит бывший председатель фонда "Детям Чернобыля" Геннадий Грушевой [1, с. 158].

Постепенный крах советского менталитета сопровождался последними яркими озарениями сердец, предсмертным величием и героизмом еще не исчезнувшего из общественного "подсознания" и поведенческих практик феномена "советского человека". Геройские, но, по мнению рассказчиков, безумные и безрассудные поступки сопровождали их на каждом шагу. Люди отправлялись ликвидировать атомную аварию с благородными и стойкими отважными побуждениями: для одних это был героический порыв, для других – долг перед Родиной, для третьих – клич коммунистов и партии [1, с. 84, 88, 90].

Однако в этих рядах уже нет-нет да появлялись люди нежелающие или колеблющиеся перед дилеммой: ехать или не ехать? сбежать и залечь на дно, пока не уляжется? потерять здоровье за страну или остановиться перед роковым шагом? [1, с. 97] Одна рассказчица на примере двух молодых учителей, отказавшихся выполнить работы по обеззараживанию двора школы, объяснила причину "сбоя" в поведении: "Это уже другие люди" [1, с. 186]. В то время после отказа исполнять приказы приходилось терпеть резко негативную реакцию со стороны органов власти, администрации учреждений и рабочего коллектива. Требование положить партбилет на стол (что равносильно потере стабильного положения в обществе и крушения карьеры), угроза военным трибуналом и судом, лишение привилегированной должности еще сохранялись в советском обществе как инструменты властного воздействия и санкции за несоответствующее принятым нормам поведение.

Крушение привычного порядка, советских ценностей и всей сложившейся картины мира сопровождалось глубокими эмоциональными переживаниями. Часто в книге можно встретить такие фразы, как "заставил думать",

"освобождал", "открыл взгляд на произошедшее". Охарактеризовать это явление может точно подмеченная мысль одного солдата-ликвидатора: "Чернобыль взорвал мои мозги. Я стал думать" [1, с. 83].

Автор поставила тему судьбы и даже дальнейшего существования белорусского народа, его места в будущей истории. Общеизвестно, что в начальном – самом опасном – периоде выбросов наиболее крупная фракция радиоактивных осадков осела на территории Белорусской ССР. Северное и западное направление ветра в первые дни аварии обусловило серьезнейшее радиоактивное поражение территории республики [3]. Больше всего пострадал юг, находящийся вблизи от аварийной атомной станции – Гомельская и Могилевская области. Сама книга была написана читателю от лица белорусского народа. Не столько по национальности автора, сколько ввиду того, что интервью брались на белорусской части зоны отчуждения и на остальной территории Белоруссии.

В местных газетах и журналах с горечью рассказывается, что пострадавшая больше всех остальных стран Белоруссия и ее народ оказались на грани между полноценной и неполноценной жизнью, а то и вовсе вымирания [1, с. 7–9]. Статьи наполнены не сухими цифрами и процентами статистики радиоактивных выпадений, они переплетены сведениями о медицинских последствиях катастрофы. Развитие событий и длительное наблюдение за населением пострадавших территорий показало, что чаще всего от аварии болеют дети (умственная отсталость, генетические заболевания, множественные хронические заболевания), после них идут ликвидаторы и взрослое население (нервно-психические расстройства, онкологические заболевания). Пожилые люди редко упоминаются по причине их слабой восприимчивости к ионизирующему излучению из-за физиологических особенностей организма преклонного возраста. В стране резко упала общая продолжительность жизни...

Все это сказывается на этнопсихологии белорусского народа, приводит к нерадостным размышлениям и угнетенному состоянию. Книга показывает, что разговоры об этом ведутся повсеместно, даже в пьяной компании, оставив след и в народном фольклоре: "Хороший был народ – белорусы" [1, с. 243, 251, 259]. Ходящие в людской массе непроверенные слухи вызывают еще большую депрессию. Журналист Анатолий Шиманский упоминает о рассказах в среде населения о жутких и нереалистичных мутациях в пораженной радиационным излучением флоре и фауне. "Что-то подобное скоро начнет происходить и с людьми. Белорусы превратятся в гуманоидов..." [1, с. 147].

Некоторые рассказчики делятся ощущением того, что после аварии произошло противопоставление черно-

быльского всему остальному. Учитель труда Н. П. Жарков описал в своем монологе сложившуюся идентификацию как исчезновение национального акцента, стирание этнотипа: "[...] мир разделился: есть мы – чернобыльцы и есть вы, все другие люди [...] Все называют себя чернобыльцами. "Мы – из Чернобыля", "я – чернобыльский человек". Как будто мы отдельный какой-то народ... Новая нация..." [1, с. 140].

Другой сложно постижимой "тайной" книги является любовь. Здесь, как нельзя, кстати, подходит толкование значения любви в словаре С. И. Ожегова: в нем она трактуется как "чувство самоотверженной, сердечной привязанности" [6, с. 505]. Любовь в книге не заканчивается только на чувствах к человеку. Она охватывает практически все, что возможно представить себе как нечто дорогое и архиважное, заложенное в глубинах человеческой памяти: старую хату, кладбище усопших предков, родную деревню и край, домашнюю кошку.

Когда население в срочном порядке эвакуировали из зоны радиоактивного заражения, большая его часть с глубочайшей тяжестью в душе покидала родные места. Угнетающая обстановка, когда эвакуация сопровождалась под надзором вооруженных сил, вызывала резкий переход скорби в раздражение и перекладывание вины за произошедшее сначала на русских, а потом на коммунистов, по причине того, что это была "их станция" [1, с. 187]. Реакция вызвана осознанием потери части души и себя, отрыва от малой родины. "Нет, детки, без котика не поеду, – отвечала бабка солдатам-ликвидаторам. – Как я его оставлю? Одного оставлю. Это – моя семья" [1, с. 131]. Расстроенные дети оставляли записки с просьбой не бить домашних животных. Люди кланялись своим домам, будто прощались с одним из членов семьи, находившимся на смертном одре. Пожилые люди после непродолжительного пребывания на чужой земле, тайком, окольными путями мимо заградительных кордонов и застав, сквозь гущи леса и топкие болота возвращались обратно, становились самоселами [1, с. 144]. В разговорах со старожилами Зоны видна бесконечная любовь к родной земле. В большинстве случаев вернувшимися в зону отчуждения оказались люди в преклонном возрасте, чьи, вполне объективные, страхи оказаться никому ненужными, "лишними ртами", заставили обратить свой взор назад и вернуться [1, с. 47]. Многие не представляли свою жизнь в другом месте, кроме как на своей малой родине.

Любовь во время аварии проявилась столь резко, сколь происходит это во время самых тяжелых моментов в человеческой истории. Можно с уверенностью сказать, это было чувство самоотверженной ответственности за самое дорогое в жизни. Два монолога – первый и последний – посвящены любви молодых семейных пар. Условия

случившихся личных трагедий разны, но сущность их историй одна: преданность и бесконечная храбрость перед лицом ужасного, неумолимо приближающегося смертельного рока. Людмила, жена пожарного Василия Игнатенко, который одним из первых 28 человек возглавил ликвидацию пожара на станции и, упредив, возможно, еще большие последствия аварии, рассказывала о последних счастливых и вместе с тем трагичных днях, проведенных с мужем, следующее: "Обрывок какого-то разговора... Кто-то меня увещевает: "Вы не должны забывать, что перед вами уже не муж, не любимый человек, а радиоактивный объект с высокой плотностью заражения. Вы же не самоубийца. Возьмите себя в руки". А я как умалишенная: "Я его люблю! Я его люблю!". Он спал, я шептала: "Я тебя люблю!". Шла по больничному двору: "Я тебя люблю!". Несла судно: "Я тебя люблю!" [1, с. 21]. Ему оставалось жить не больше 14 дней, и почти все это время она проводила с ним. Валентина Апанасевич прожила со своим мужем несколько лет, и все также неотступно стояла рядом, переживая все тяготы и боль "чернобыльской жены".

Гигантская авария породила также мистицизм и желание чуда. Генезис этому следует искать в бессознательном человека. Один из таких примеров – рассказ про знаменитую колдунью Параски, якобы заговором "снимающей гаммафон" [1, с. 164]. Можно предположить, что ожидание чуда, колдовского избавления от проблемы не что иное, как смутное понимание, а подчас и незнание сущности и характера атомной аварии в среде советского общества.

Книга дает величайшую возможность не просто проникнуться духом тех дней, а именно пережить описываемые события. Это как передать в руки что-то нематериальное. Основная проблема истории – это осознание невозможности воссоздать в полном объеме изучаемую социальную реальность. Мы не можем реконструировать чернобыльскую аварию и советский народ. Все это ушло в прошлое. Но вот в работе С. Алексиевич удалось приблизиться к идеалу исторической науки. Читатель, по мере погружения в книгу, начинает понимать происходившее. И уже после этого он совсем не удивляется, почему чернобыльские дети спрашивают, когда они уже умрут.

Вопрос о том, каковым представлен образ Чернобыля в глазах современников тех событий, следует оставить без ответа, поскольку для каждого из чернобыльцев и ликвидаторов он одновременно и все, и ничего, и рок судьбы, и черное клеймо. Их собственное видение случившегося с ними в том тяжелом 1986 году может кардинально различаться: для одних авария – наказание, для других же – прозрение, а третьим суждено размышлять над ней вечно. Для многих, прикоснувшихся к Чернобылю в те ужасные дни, каждый нынешний день – титаническая

борьба за жизнь, в которой участвуют родители, врачи, ликвидаторы, члены общественных и государственных организаций, и даже дети, в чьих монологах порой чувствуется их собственное ощущение скорого ухода.

Исторический образ Чернобыльской аварии, на наш взгляд, проявился во всех его отличительных чертах: с горем, с невероятным трагизмом, с бесконечной утратой и потерей видения картины будущего. Но это историческое полотно соткано не из одной только боли и страданий – рядом соседствуют героические поступки, храбрость, непоколебимость, борьба за то, что кажется дорогим и цен-

ным. "Чернобыльская молитва" – это книга о Чернобыле внутри человека. Именно поэтому неслучайна историческая справка во введении книги – странная своими, вроде бы, общеизвестными данными, для нас, людей советской эпохи. Прочтение книги нынешней молодежью, практически незнакомой с трагедией и героизмом катастрофы, воспринимающей "Чернобыль" как туристический центр (и это при немалом количестве "мертвых городов" внутри самой России, со своей, также, во многом, трагичной историей), возможно, заставит ее задуматься о вечных вопросах, глубоко прочувствовать влияние аварии на судьбы народов на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Светлана Алексиевич. М.: Время, 2013. 299, [3] с. (Собрание произведений).
2. Вместо биографии [Электронный ресурс] // Алексиевич С.А. Голос страны Утопии. Режим доступа: <http://www.alexievich.info/index.html>, свободный (дата обращения: 01.01.2016).
3. Карта осаждения радионуклидов [Электронный ресурс] // Доклад НКДАР ООН. 2000. Режим доступа: <http://www.unscear.org/unscear/en/chnobylmaps.html>, свободный (дата обращения: 01.01.2016).
4. Сайни, С. "Чернобыльская молитва: Хроника будущего" С. Алексиевич. Проблема жанра / С. Сайни // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2. С. 17–22.
5. Сивакова, Н.А. Особенности субъектной организации документальных книг С.А. Алексиевич / Н.А. Сивакова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 134–139.
6. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО "Издательство АСТ": ООО "Издательство "Мир и образование", 2014. 1360 с.

© Т.А. Марсумов, Г.О. Ковзик, (nabonid1@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

